

Новая газета — 2001 — 15 — 18 марта — с. 6

Теперь говорят: «Сергей Параджанов не должен измеряться обычными мерками. Законы общества, страны, морали к нему не имели отношения. Он был выходцем из тех картин, которые сам снимал».

Наверное, Сергею Иосифовичу было приятно, что о нем так говорят (всегда говорили) — с восхищениями, изумлением и возмущением. Но он вел себя по-своему совсем не из охоты подержать репутацию «возмутителя», «чудака» или «чудотворца». После его смерти связались в одно целое и шалости, и дикости, и болтовня, и творения, и волшебство изданий (фильмов, коллажей, шляпок, занавесок и проч.), его письма и предсмертные обращения к родным и друзьям... Вспомнил испытанные лично — в течение двух часов! — и кошмарный стыд, и восторг до слез...

1987 год, Тбилиси, мы возвращаемся по улице Котэ Месхи от Сергея, и меня осеняет: Параджанов не человек «из жизни», он — случайно уцелевший персонаж из мифов Древней Греции! Только там найдутся странные похождения — превращения Зевса, невероятные истории Ариона, Ганимеда... Там денежная единица (между прочим) называется «талант», а нехорошее слово «оргия» — всего лишь мера длины, примерно в рост Параджанова.

До знакомства с ним я не мог сложить единый образ из рассказов о десяти Параджановых: от тех, кто был рядом на съемках фильма «Тени забытых предков», от соседей и друзей по Киеву и от Лили Юрьевны Брик. Перед самой своей смертью он пишет из больницы письмо в редакцию журнала «Театр», возмущенный публикацией книги Ю. Карабчиевского о Маяковском: «Лили Юрьевна — самая замечательная из женщин, с которыми меня сталкивала судьба... и объяснять ее смерть «неразделенной любовью» — значит безнравственно сплетничать и унижать ее посмертно... Наши отношения были чисто дружеские. Так же она дружила со Шедриным, Вознесенским, Плисецкой, Смеховым, Глазковым, Самойловой и другими моими сверстниками. 26 октября 1989 года. Стиль и строй фраз последнего письма Параджанова никак «не монтируются» с тем шоком, который я испытал от нашего разговора на тему Л.Ю. Брик в Тбилиси в октябре 1979 года... <...>

В Киеве, у площади Победы, в пятиэтажке — маленькая квартира Сережи и Светланы. Круглая дата, день рождения. Кого он видел на этих днях — на киностудии, на улицах — всех звал на ужин. То ли не верил, что кто-то придет, то ли просто шутил, но пришел все... По легенде — человек сто! В квартирке поместились от силы двадцать гостей. Ни секунды не горевал Сергей. Быстро раскатал ковры, дорожки, что были в доме, — со своего пятого до первого этажа. Гости расположились вдоль всей лестницы, снизу доверху. Похлопотал виновник, и у каждого гостя в руках — бокал, тарелка, салфетка. У всех — вино и закуска. А виновник подробно объясняет на лифте пролеты, и сам тестирует, и тосты принимает...

Почему его арестовали? Ведь он плевал на политику, он мог жить только в игре, то есть на сцене. А у властей на сцене — трибуна, почетный президиум и портрет с флагом. С трибуны внушают — в зале кивают. А этот чернявый, в бороде и в экзотике, не умеет кивать и никак не усидит в зале. Он гуляет по сцене, и ему никакие трибуны не помеха. И власть его игру на свой счет приняла: не наш! что-то задумал! не хочет сидеть в зале — посадим в барак. И посадили. А он и там, в бараке, мог быть только художником. Творил из любой скорлупы, травки, кефирной фольги, творил лики Малюны, иконки, дивные миниатюры; он в блатных соседях разбудил художни-

ков... И это уже не миф — реальность тюрьмы под Винницей. Чуть ли не ежедневно шла переписка Лили Брик и Сергея Параджанова. Восемьдесятлетняя «муза поэзии русского авангарда» билась, добивалась... и добилась! Освободили. Легенда помогла мифу. Лили — Сереже. И это — было. Хотя и чудо, но — было. Я — один из свидетелей. Лили Юрьевна (замечим, бесправная, отринутая, оболганная властными журналистами) помогала Рузанне, сестре Сергея, Гарику — племяннику — находить новые и новые холды-выходы.

В 1976 году ситуация казалась безнадежной. В 1977-м, в Париже на гастролях, я услышал от друзей Л.Ю., что Луи Арагон

Вениамин СМЕХОВ:

Параджанов не человек «из жизни», он — случайно уцелевший персонаж из мифов Древней Греции!

и ряд видных деятелей Франции возглавили комитет спасения Параджанова. Рузанна присажалась в театр, сидела в кабинете Любимова, ездила к С. Герасимову, С. Бондарчуку. На дне рождения доктора Л. Бадалаяна я увидел председателя Госкино Л. Кулиджанова. Спросил его: как, мол, вы себя чувствуете, когда Параджанов в тюрьме, в ужасных условиях, когда он плачет от унижений и безысходности? Кулиджанов твердо ответил: «Мы сделали все, что могли. Мы втроем, с Бондарчуком и Герасимовым, обратились «наверх». И генеральный прокурор Союза Руденко ответил: «Не могу. Это украинская прерогатива». У зубров, облеченных титулами и властью, — не вышло. У Лили Брик — вышло. Помню, она показывает очередную (122-й? 213-й?) роскошный и трагический коллаж Сережи и дважды громко перечитывает место из его письма: «Делайте что-нибудь! Не уставайте! Каждый день — хоть что-нибудь!» Лили рассказывала: «Не эти, мол, начальники кино, а клоун Юрий Никулин — не походами наверх, а пешком, ну не пешком, на поезде, но сам! — приехал в лагерь... Сережа пишет, что, желая хоть чуть облегчить себе жизнь, он сказал начальнику: дайте пожалуйста работу, я задыхаюсь... Вам мои друзья могут сказать, что я болен, — знаете артиста Никулина? И тут начальник, мол, вдарил ему — ах ты, трепач, кто ты и кто — Никулин?! Он — народный артист, а ты — экз. И вдруг является сам Ю. Никулин и — к начальнику: «Помогите моему другу!» И сразу дали работу терпимую, облегчили муки». Еще время прошло, и Л.Ю. вызвала «тяжелую артиллерию» из Парижа. Советская власть искала случая помириться с Луи Арагоном. Он прокричал ее после советских танков в Праге. Лили Брик умолила Арагона приехать. Поводом было вручение Между-

народной премии мира греческому поэту Арагону прилетел, вручил премию и встретился с членами Политбюро — все по сценарию Л.Ю. И Сергей Параджанов вышел на свободу...

Через год умерла Л.Ю. Брик. Еще через год театр Любимова приехал в Тбилиси с гастроллями. <...> Сергей Параджанов позвал всех нас к себе домой. Человек сорок вполне избалованных актеров полезли круто в горку, на улице Котэ Месхи. Тбилисский дворик, а посередине — могучее дерево. Старые скрипучие лестницы.

Балконы второго этажа нависают буквой «П» над деревом... Может, только киевский друг Сергея, Давид Боровский, знал полную правду: никакого дома нет, есть у него кровать, есть стол, есть коридор, ну и, конечно, родственники, соседи, друзья... Актеры активно погуляли в «доме Параджанова»... Вино лилось, песни струились, балконы ломились от фруктов, глаза слезились от восторгов, тосты ошеломляли артистов, забавные творения украшали чудо-дерево... Актеры получили незапланированный подарок: мне кажется, Параджанов и на сцене-то нас не видел, и театр ему не очень нравился, но ему «просто захотелось позвать «Таганку» к себе домой». С Высоцким у него

была отдельная встреча — там же, на улице Котэ Месхи. С Аллой Демидовой, с Давидом Боровским, с Ю. П. Любимовым. Но встречи «именные» — это нормальное дело, а весь театр во дворе... Это — только Сережа. <...>

1987-й, январь, мы с Галей гостим в Тбилиси. Репетиция «Короля Лира» у Р. Стурца, встречи с актерами, премьера моей пьесы «Али-баба» в ТЮЗе, концерты, застолье, поездка в Кахетию на праздник столетия Сандро Ахметели, Театр марионеток Резо Габриадзе... Водоворот счастья. И две встречи с Сергеем Параджановым, которые опять перевешивают на весах впечатлений: все остальное было счастьем, а это — театром и только театром. Повторю: уходя от Сергея по улице Котэ Месхи, я прозрел на его счет, сообразив, что Параджанов никакого отношения к нашей жизни не имеет, ибо сам — не из жизни, а — из искусства. Захочет — удивит, захочет — возмутит, захочет — обольстит, захочет — оскорбит и т. д.

Сцена в трех частях

Первая часть: мы с Галей взойшли на горку, обошли чудо-дерево, поднялись на этаж. Гарику Параджанов радужно встретил, но попросил извинить ядло Серго: он в постели и неважно себя чувствует. Дверь открывается. Мы входим. Сразу видим Сергея и сразу слышим громкие приветствия — прямо из-под одеяла: «Кто это неважно себя чувствует? Я себя важно чувствую! Это Смехов неважно чувствует, потому что «Таганка» — поганка! Где твой любимый Любимов, Смехов? Он на хорошем пайке, в солнечной Италии! Он опять играет в диссидента? А бедные артисты опять кушают дерьмо?». Ни объяснить, ни остановить его было невозможно.

Конец первой части: неоптимальное одеяло, косматая седая борода, тучный Фальстаф бранится, свидетели смущены, я — зол.

Решаюсь на прощальный контрмонолог: «Сережа! У меня был шанс показать любимой Галке Сережу в Тбилиси. Я использовал этот шанс. У тебя, Се-

режа, теперь осталось два шанса. Первый: показать моей прекрасной жене, что Параджанов — монстр, умеющий, не слезая с грязной постели, обливаться малохудожественной грязью своих друзей. И второй: доказать, что я был прав, когда обещал ей встречу с художником, которого мы очень любим. Оба шанса — в твоих руках, а мы можем так же легко уйти, как и пришли». Пауза. Из-под одеяла раздается короткое: «Постойте в коридоре десять минут. Не уходите». Мы вышли, и друзья шепотом пробуют уговорить Галку не спешить с выводами, ибо, как им кажется, Сергей придумал что-то особенное. Поверить в хорошее трудно, но мы решаем подождать. За дверью слышатся звуки какой-то работы — движение мебели, звон посуды. Нас снова приглашают войти.

Вторая часть — ослепительный театр. Как мы смели не разглядеть этого богатства: дом сверкает тысячами красок. Стулья, стол, абактуры, этажерки, куклы на стенах, портреты и скатерти — это же все из сказок, все ручное, штучное, невиданное. Как две Алисы, мы попадаем в параджановское Зазеркалье. Сережа теплой рукой ведет Галку — и меня следом — от чуда к чуду... Разве это посуда? Разве это утварь? Каждая вещь в его

потрясающе! Спасибо огромное! — «Ну вот, а другие говорят: приехал в Грузию, чтобы испарджанить нам нашего Нико! Правда, понравилось?» В этот момент кинооператор возвращается Сергею две бобины с пленкой фильма. Мы поднимаемся, выходим на проспект Руставели. «Если так понравилось — на, возьми на память». И мы получаем незаслуженный дар — авторский экземпляр фильма «Пиромани». Я пробую отказаться... «Нет, Веня, ты бери, я знаю, что я делаю. Если в Москве покажете друзьям — хорошо. Если увидите Шеварднадзе — покажите ему, пусть министр увидит, мне тоже пригодится...»

В Москве мы действительно несколько раз показали, где могли, фильм Сергея. В том числе — «по большому благу» — в конференц-зале МИДа, после моего концерта. Но в зале, конечно, министров не было, были ценители искусства, которые режиссеру «пригодиться» не могли. Однако перестройка совершила доброе дело, и в 1988 году двух «бывших негодяев» — С. Параджанова и О. Иоселиани — приглашают в Роттердам на триумфальный слет лучших мастеров кино под девизом «Режиссеры XXI века» или что-то в этом же почтительном роде. Сережа звонит из дома Катанянов (из

ский, Г. Гречко... Составляли письмо, собирали подписи... Среди защитников один выделялся и словом, и телом. Седобородый, взъерошенный, распахнутый Сергей Параджанов обладал возбужденной общечеловеческой ответственностью: спектакль — святой, никто его закрыть не посмеет, ибо глава католической церкви Папа Римский ему, Сереже, обещал вмешаться. И еще больше возбудились друзья театра, и не могли расстаться, и в тесном кругу собирались, и до ночи толковали, горячились, пили и ели — под крышей дома на ул. Воровского, в мастерской Бориса Мессерера, в гостях у него и у Беллы Ахмадулиной. Параджанов к ночи Папу Римского больше не поминал, зато советскую власть иначе, как «по матушке», обласкать не мог. Мы сидели с Галей и Юрой Визбором, итожили все, что случилось и происходило в театре, и Юра сказал: мол, пожалуй, спектакль все-таки закроют, хотя какие-то выходы сделают быстро. Так оно и вышло: спектакль запретили, а вывод сделали... в адрес Сергея Параджанова. Его снова арестовали. Объясняли по-разному: 1) за спекуляцию драгоценностями; 2) за сокрытие невинных юношей; 3) за то, что поминал Римского Папу; 4) за то, что материл советскую маму.

Не было на свете Лили Брик, но все-таки спасла Сергея и на этот раз прекрасная женщина. Белла «дошла до самого верха», до тогдашнего главы Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Сергей был освобожден — вернее, его тело; духом он и так был подобен Зевсу. Теперь я думаю, что, даря мне «ненадолго» своего «Пиромани», он просил (через шесть лет) показать фильм министру иностранных дел Шеварднадзе — в знак благодарности... <...>

То ли от Боровского, то ли от Марка Смехова — соседей по Киеву — я услышал чудную историю ранних «шалостей» Параджанова. Накануне своей круглой даты (сорок лет? или сорок девять?) Сергей слепил из гипса большую голову — личный автопортрет.

Ночью с друзьями из киностудии он установил «свою голову» на крыше важного здания — то ли милиции, то ли еще покруче. Напротив, через дорогу, друзья поставили и включили мощный прожектор, взятый «напрокат» из электроцеха киностудии им. А. Довженко. И много дней киевляне любовались на крупную голову художника, и никто не схватился в панике: во-первых, все думали — раз освещено, значит, разрешено; во-вторых, думали — раз крупный и большеблудный, значит, Ленин.

...А в Роттердаме в 1988 году режиссеру в ответ на чествования ответить было нечего, ибо все вокруг чествовались и отвечали на английском, а Сергей Иосифович из языков владел (по местам прописок): грузинским, русским, украинским и, конечно, родным армянским. Но два слова по-английски роттердамцы и гости праздника от Параджанова дождались. Пусть не устных, только письменных... На торжественный раут необходимо было явиться в черном смокинге. Все, конечно, явились. А у Сергея перед вылетом, как известно, не только смокинга — фильма своего не было. Ну с фильмом, как известно, ему помогли, а с одеждой — извините, маэстро, выкручивайтесь сами. И маэстро выкрутился. Представьте себе торжественную реку белых сорочек и черных смокингов. Посреди этого черно-белого большинства красуется в чем приехал Параджанов — в единственном числе. Но, соблюдая приличия, он надел на шею дощечку, где красиво вывел два английских слова — «No smoking!» (дешка, я без смокинга, уж извините.)

Занавес.

«Это — Сережа...»

* Газетный вариант

ЭТО — СЕРЕЖА

Фото Юрия РОСТА

руках — экспонат Ренессанса. Или барокко. Или модерна. Склеил дном два фужера — пожалуйста, средневековый бокал. Как лица на портретах Арчимбольдо слеплены из фруктов и овощей, так обычные предметы быта, когда их подносишь к глазам, оборачиваются гирляндами из плодов воображения художника. <...>

Часть третья. Назавтра, как было назначено Сергеем, мы вводим и он с Гариком — в пустом зале Тбилисского Дома кино. Фильм-фантазия Параджанова «Пиромани» в двух частях. Через полчаса — молчим, слова сказать не можем. Сочинитель фильма посылел, посылел и прервал молчание: «Значит, ничего себе фильм!» — «Сережа,

квартиры Лили Брик!) и просит меня срочно одолжить ему две бобины с фильмом «Пиромани», поскольку больше нечего показать в Роттердаме, а других копий не имеется. Он, разумеется, клянется, что вернет мне свой подарок. Я, разумеется, моментально лечу на Кутузовский и «сдаю валюту», то есть фильм. И он, разумеется, ничего мне не вернул. <...>

В 1981 году в Театре на Таганке запрещали спектакль памяти Владимира Высоцкого. Юрий Любимов собрал в зале крепкую компанию людей искусства, науки, политики. Выступавшие в защиту нашего спектакля были горячи и прекрасны: Б. Ахмадулина, Я. Зельдович, П. Капица, Ю. Карякин, И. Смоктунов-